

Научная статья

УДК 355.11

DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_142

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НИЖНИХ ЧИНОВ РУССКОЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ В 1725–1762 гг.

Евгений Александрович Подберезный¹, Валентина Сергеевна Подберезная²

*МКОУ Подгоренская СОШ им. П.П.Серякова¹
Калачеевский муниципальный район Воронежской области, Россия
Воронежский государственный педагогический университет²
Воронеж, Россия*

¹Учитель истории и обществознания,

ORCID ID: 0009-0009-2110-2245, e-mail: evgenypodberezniy@yandex.ru

²Аспирант кафедры истории России, ORCID ID: 0009-0005-7323-4697,

тел.: (473) 255-06-67, e-mail: val.sergeevnaa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются семейно-брачные отношения рядовых и унтер-офицеров русской регулярной армии в период «дворцовых переворотов». На основе анализа широкого круга источников выявлены трудности нижних чинов русской регулярной армии в деле создания полноценной семьи или поддержания контактов с ней после призыва на военную службу. Установлено, что большинство нижних чинов армии не вступало в брак во время службы, а жены и дети призванных на военную службу не имели о них никаких сведений. Отмечается отношение к солдатским детям как к гарантированному резерву для пополнения армии, вследствие чего сыновья большинства солдат подлежали первоочередному призыву. Авторами делается вывод о негативном влиянии реалий семейной жизни военнослужащих не только на их морально-психологическое состояние, но и на престиж военной службы в целом.

Ключевые слова: нижние чины, «дворцовые перевороты», брачно-семейные отношения, солдатские дети.

Для цитирования: Подберезный Е.А., Подберезная В.С. Семейно-брачные отношения нижних чинов русской регулярной армии в 1725–1762 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 1. С. 142–148. DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_142.

Введение

Проблема семейной жизни нижних чинов русской регулярной армии в середине XVIII в. является чрезвычайно актуальной. Семейные отношения оказывали значительное влияние не только на повседневную жизнь солдат и унтер-офицеров, но и на престиж военной службы в обществе. Несмотря на это, вопросы семейно-брачных отношений нижних чинов в отечественной историографии до сих пор остаются за рамками исследований. Исходя из вышесказанного, цель настоящего исследования состоит в выявлении основных особенностей брачно-семейных отношений и установление их влияния на повседневную жизнь нижних чинов русской регулярной армии в 1725–1762 гг.

Результаты

Исследование семейных отношений нижних чинов русской регулярной армии следует начать с установления возможностей солдат и унтер-офицеров завести семью. Стоит отметить, что огромное влияние

на личную жизнь нижних чинов оказывала рекрутская система, а точнее сам призыв рекрутов на военную службу. Первый указ о рекрутской повинности от 20 февраля 1705 г. предполагал призыв на военную службу «холостых» молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет [16, с. 291]. Подобное ограничение, несомненно, являлось гуманным по отношению к женатым мужчинам призывного возраста. Вместе с тем, очевидно, что, помимо освобождения значительного числа мужчин от призыва, данный указ открывал возможность избежать рекрутского призыва, заблаговременно вступив в брак. Согласно Кормчей книге, которая на начало XVIII в. продолжала оставаться источником норм семейного права, брачный возраст юношей составлял 15 лет [32, с. 73]. Вследствие этого вступление в брак в 15 лет освобождало мужчин от призыва на военную службу, что не могло быть выгодным государству в условиях войны и создания регулярной армии. Вероятно, по этой причине с 1707 г. в рекруты стали набирать и женатых

мужчин [15, с. 136], что будет сохраняться и в дальнейшем.

По сути, единственным способом поддерживать брачно-семейные отношения для нижних чинов являлись отпуска. Однако их доступность и частота зависела от сословного происхождения солдат и унтер-офицеров регулярной армии. Так, длительные отпуска для военнослужащих из дворян продолжительностью в полгода появились в 1721 г. [31, с. 36], а уже в 1724 г. дворян всех чинов стали отпускать «для ведения домашних нужд» на год [17, с. 368]. С 1729 г. годовые отпуска стали ежегодными [18, с. 242]. Устанавливалось, что в годовые отпуска дворяне отправлялись «по третям» [18, с. 242], что означало что в один год могло уйти в отпуск не более 30 % военнослужащих из дворян, имевших собственные деревни. Следовательно, для среднестатистического дворянина (причем, не имеет значения, офицер он или рядовой), годовой отпуск был доступен в лучшем случае один раз в 3 года. Однако на практике интервалы могли значительно удлиняться, главным образом, из-за периодов боевых действий. Так, во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. императрица недвусмысленно указала не отпускать дворян домой «без крайней и необходимой нужды» [30, с. 199]. Эту же мысль подтверждает указ октября 1742 г., разрешавший «с нынешнего числа впрямь апреля по первое число предбудущего 1743 года, кто пожелает, отпускать от каждого полку, также и от флота третью часть», «понеже ныне кампания уже миновалась» [19, с. 697–698]. Учитывая тот факт, что к октябрю 1742 г. закончилась именно годовая кампания, а не война, можно сделать вывод о том, что до этого офицеров в отпуск не отпускали, как минимум, с осени 1741 г. Кроме того, в 1745 г. вышел указ, который предписывал к началу любой кампании всех «отлучных» отправлять к полкам [20, с. 484].

Как видим, годовые отпуска не только были доступны далеко не всем дворянам, но и ограничивались государством в период боевых действий. Учитывая то обстоятельство, что с 1733 г. по 1762 г. было не менее четырех крупных военных конфликтов продолжительностью около 16 лет, можно заключить, что полноценные и стабильные годовые отпуска основная масса дворян могла получать лишь на протяжении 21 из 37 лет данного периода. Однако совершенно очевидно, что нижние чины из дворян имели существенно лучшие условия для службы, нежели призванные в рекруты выходцы из податных сословий, так как для последних не предусматривались длительные отпуска. Несмотря на возможные периоды относительно длительных разлук, солдаты и унтер-офицеры из дворян имели возможность достаточно регулярно видеться с семьей и даже принимать участие в воспитании детей, чем не могли похвастаться подлежавшие рекрутской повинности податные сословия.

Помимо длительных отпусков существовали краткосрочные, ситуативно выдаваемые полковым начальством или Военной коллегией всем нижним чинам. Архивные источники свидетельствуют о том, что нижние чины не из дворян получали краткосроч-

ные отпуска. Продолжительность таких отпусков варьировалась и зависела от многих факторов. Так, в 1736 г. фуркнехт Василий Давыдов, призванный из крестьян в 26 лет, на 4 году службы получил трехдневный отпуск домой «для свидания» [28, л. 76–77]. В 1731 г. в отпуск отправляли для излечения болезни солдата Астраханского полка Ивана Шарина (несмотря на отсутствие упоминания сословного происхождения, назначение «рассыльщиком» при отставке явно указывает на принадлежность к податным сословиям) [26, л. 229]. В довольно продолжительном отпуске для лечения болезни пробыли солдаты Ингерманландского полка Василий Григорьев и его брат Андрей Григорьев: 10 и 2 года соответственно [24, л. 91, 96]. На 2 года отпускали солдата Новгородского полка Егора Антонова [25, л. 115]. Однако, стоит отметить, что во всех перечисленных случаях отпущенные домой действительно имели серьезные заболевания и немалый возраст. Таким образом, есть основания полагать, что главным основанием для отпуска нижних чинов не из дворян являлось состояние здоровья. Вместе с тем, случай отпуска «для свидания» свидетельствует о том, что краткосрочные отпуска могли ситуативно выдаваться ротным начальством. В целом, нижние чины из податных сословий в материалах коллегии упоминаются значительно реже, нежели дворяне.

Солдаты и унтер-офицеры из дворян, несомненно, тоже могли уходить в краткосрочные отпуска по состоянию здоровья. Так, драгуна Лейб-Регимента Тимофея Верещагина в 1728 г. отпускали домой на 2 года для излечения болезни [25, л. 187]. Аналогичная история у драгуна Ярославского полка Федора Кожина, которого для лечения болезни отпустили в 1729 г. [27, л. 91]. Кроме здоровья, основанием для краткосрочного отпуска могли выступать личные дела. Так, капрала Пермского полка Гура Суморокова в 1731 г. коллегия отпустила на год «для своих нужд» [26, л. 387]. Какого рода эти нужды достоверно выяснить невозможно, однако можно предположить, что это могли быть хозяйственные, семейные или судебные дела. Например, Александр Наумов получил годовой отпуск для выкупа имения, заложенного братом [23, л. 128].

Говоря о возможности свидания с семьей, стоит отдельно отметить указ «О наборе в солдаты вольноопределяющихся» 1700 г., который разрешал «солдат по жены их в ближние и в дальние города отпускать с поруками на срок» [16, с. 92]. Однако этот указ касался только добровольно записавшихся в солдаты [15, с. 136] и, вероятнее всего, не распространялся на отданных в рекруты.

Приведенные факты показывают, что нижние чины русской регулярной армии имели возможности для получения отпуска и свидания с семьей. При этом возможности эти были меньше, чем у офицеров, а у солдат-дворян их было больше, чем у солдат из податных сословий. Кроме того, склонность солдат к побегам также могла оказывать влияние на частоту отпусков. Призванный на военную службу рекрут, ставший солдатом, практически полностью терял какие-либо контакты с семьей, если успевал ее завести до призыва. Имевший семью солдат мог не видеть ее на протяжении многих лет, это подтверждается как

другими исследованиями [33, с. 38], так и архивными данными. Так, солдатская жена М. Кречетова на момент ревизии 1744 г. не имела никаких сведений о муже, который служил в Павловском гарнизонном полку и был послан в Низовой корпус. Кроме того, наличие «прижитого» пятнадцатилетнего сына явно указывает как на длительный срок службы ее мужа, так и на редкие свидания [1, л. 18-19]. Схожая ситуация у Екатерины Беляевой, которая знала лишь о том, что муж когда-то служил в Тамбовском пехотном полку. Учитывая, что, как выяснилось, муж был командирован в Низовой корпус в 1727 г., уместно предположить, что с того момента какого-либо общения супруги не поддерживали [1, л. 20-23]. Не знала о том, где ее муж, солдатская жена Анна Чехнина. Только во время переписи выяснилось, что он был взят в Дагестанский пехотный полк [1, л. 145-146].

Вероятно, именно осознание семейных проблем и их негативного влияния на моральное состояние солдат и унтер-офицеров привело к появлению указа 1744 г., по которому все солдатские жены получили право «быть при мужьях их» с оставлением рожденных до отдачи в рекруты детей у помещиков. Кроме того, солдатские жены могли оставаться и работать на прежних местах, но, вне зависимости от выбора, они становились свободными [20, с. 197]. Однако свобода эта была довольно условна, так как государство не предоставляло им какого-либо содержания. Вряд ли стоит категорично утверждать, что «с 1744 г. жены рекрутов должны были оставаться на прежних местах» [33, с. 37]. В действительности жены рекрутов оставались на прежних местах именно до 1744 г. и только к концу первой половины XVIII в. получили право быть со своими мужьями. Вместе с тем, очевидны моральные, психологические и экономические трудности переезда к мужу. Можно предположить, что далеко не каждая жена рекрута могла бросить своих детей у помещика и отправиться жить с мужем при полку, лишившись привычного жизненного уклада и практически любых контактов с родственниками. Для тех солдатских жен, которые по состоянию на 1744 г. много лет не слышали ничего о своих мужьях, данное государством право совместного проживания и вовсе ничего не значило. Стоит отметить и материальные трудности, которые испытывали нижние чины русской армии. Низкое жалование и отсутствие какого-либо имущества, характерные для нижних чинов, вынуждали их жить только на жалование, которое было недостаточным для содержания семьи. В этом контексте интересна история солдатской жены Марфы Архиповой, которая для того, чтобы легче было просить милостыню по пути к мужу в Санкт-Петербург, украла младенца у другого солдата в 1750 г. [21, с. 190].

Вышесказанное позволяет утверждать, что служба в армии крайне негативно отражалась на семейном благополучии нижних чинов. Учитывая то обстоятельство, что призывной возраст охватывал возраст 15-30 лет, а сами рекрутские наборы проводились по надобности, очевидно, что в солдатах оказывались как неженатые, так и женатые мужчины, а угроза призыва на пожизненную службу существо-

вала длительное время. Сам же призыв рассматривался податными сословиями как полный разрыв с прежней жизнью, вследствие чего жены солдат были близки по статусу к вдовам [33, с. 29]. Кроме того, призыв рекрута, который уже успел обзавестись семьей, означал для его родных потерю мужа, отца и, в конечном итоге, работника, что часто вело семьи солдат к нищете [33, с. 34]. Существует вероятность того, что стремление крестьян уклониться от службы, а рекрутов и солдат убежать, могло иметь основанием не только заботу о собственном выживании.

Разумеется, вышеприведенные тезисы, не подкрепленные количественными данными, не позволяют сделать существенных выводов о реалиях семейной жизни военнослужащих. Вопрос о том, какое количество нижних чинов русской регулярной армии имело семью, в отечественной историографии поднимался, но подробных статистических данных не имеется. Так, в исследовании С.В. Карпуценко, который проанализировал ведомость 1741 г. о составе служащих полевой артиллерии указывается, что в полку числилось 213 нижних чинов без семьи и 179 были женаты, из последних только 30 имели детей [13, с. 25]. Приведенные данные показывают, что более половины нижних чинов полевой артиллерии не имели семей. Однако в них не указывается совместное или раздельное проживание женатых, не обозначается социальное происхождение военнослужащих. Также совершенно очевидно преобладание бездетности среди военнослужащих: в выборке среди женатых мужчин только 17 % имели детей, а из всех 392 нижних чинов от артиллерии только 7,7 % имели полноценную семью.

Эти выводы в полной мере подтверждаются анализом сказок 80 отставных рядовых и 51 капрала из материалов ревизии в Воронежской губернии 1744-1747 гг. Специфика источника заключается в том, что при ревизии не отмечались жены и дочери военнослужащих. Вследствие этого, судить о семейном положении отставных мы можем косвенно, по наличию сыновей. Из 80 отставных рядовых на момент ревизии сыновей имели 33 человека (41 %) [1, л. 2-6, 48-49, 72-73, 86-88, 106-108, 114-115, 135, 161-162, 168-169, 172-175; 3, л. 207, 764, 765; 4, л. 364, 379, 381-382, 544; 5, л. 26-27, 32-34, 36, 39, 41, 43, 45; 6, л. 79; 7, л. 151-152, 160; 8, л. 8, 10, 18, 21, 36, 38-39, 55, 58, 73; 9, л. 161-162, 258, 290, 362-363, 422; 10, л. 26, 110, 368-369, 383-385, 387, 458-460, 577-578; 11, л. 632; 12, л. 539-541, 543, 545, 242-246, 663-664, 1397-1398]. Похожая ситуация и у капралов: в выборке из 51 человека лишь 14 человек (28 %) имели детей мужского пола [1, л. 84-85, 116-119, 122-123, 136-137, 158-159, 187-188; 4, л. 380, 546-547; 5, л. 25, 28-31, 35, 37-38, 40, 42, 44, 46-48; 6, л. 78; 7, л. 68-69; 8, л. 4, 12-13, 22-24, 34, 49-50, 57, 59, 60, 62; 9, л. 158-160, 256-257, 330; 10, л. 111; 12, л. 538, 541, 615-616, 1400]. При этом есть основания утверждать, что ряд отставных военнослужащих женились только после отставки. Это видно на примере капрала Григорьева, в 80 лет имевшего 7-летнего сына [8, л. 12], и Емельянова, который выйдя в отставку в 44 года на момент своего 60-летия имел сыновей полутора и 3 лет [5, л. 31], а также

рядового, у которого в 72 года был ребенок пяти месяцев от роду [5, л. 33].

Отдельно были проанализированы сказки 31 рядового с детьми по критериям: возраст отставки, возраст на момент ревизии, год отставки, а также количество и возраст детей. Из представленных данных ревизских сказок следует, что средний возраст отставных рядовых, имевших детей, на момент ревизии составлял 61 год. Средний возраст равнялся 12 годам [1, л. 2-6, 48-49, 168-169; 5, л. 27, 33, 39, 43; 7, л. 151-152; 8, л. 8, 10, 18, 36, 38-39, 55; 9, л. 290, 362-363, 422; 10, л. 26, 384, 387, 459; 11, л. 632; 12, л. 539, 543, 545, 663-664.]. С учетом среднего возраста выхода в отставку, который составлял 52 года, можно утверждать, что значительная часть отставных из представленной выборки завели детей либо в конце службы, либо уже после ее окончания. Помимо этого, из данных следует, что 10 отставных (32%) однозначно завели детей уже после отставки. Можно видеть, что из 80 рядовых 59% не имели детей и около 13% завели их после отставки. Данные ревизии указывают на то, что значительная часть рядовых не имела семьи, как в период службы, так и после ее окончания. Разумеется, стоит учитывать, что какая-то часть рядовых могла иметь дочерей и жен, что не отражалось в ревизии. Однако, при всей ограниченности информации источников по данному вопросу, едва ли можно утверждать, что у всех 59% бездетных рядовых были дочери и жены, но не было сыновей.

Полученные данные отчасти подтверждаются исследованием отставных в Вятских и Пермских монастырях, согласно которым на 1744 г. из 50 отставных, живших при монастырях, только 13 имели при себе семьи. В данной выборке было 15 офицеров. Данные же по детям, приведенные Е.В. Кустовой, показывают, в Трифоновом монастыре, где проживало 20 отставных, было 11 детей, из которых 2 «башкиренка» (усыновленные) и 6 пасынков. Женаты в этой небольшой выборке всего 4 отставных. Похожая ситуация наблюдалась в Пыскорском Преображенском монастыре, где из 12 отставных только 2 женатых с 3 детьми [14, с. 62]. Интересны данные о детях, оставшихся после умерших отставных, среди них сын сержанта (15 лет), сын капрала (14 лет), трое детей умершего капрала Мирона Прокопьева: Алексей (14 лет), Иван (9 лет), Савва (1,5 года) [14, с. 61]. Возраст оставшихся без отцов детей явно указывает на то, что они родились либо после отставки, либо незадолго перед окончанием службы отца. В целом, приведенные сведения достаточно убедительно демонстрируют проблемы семейной жизни нижних чинов русской армии, которые в большинстве не имели семей и родных детей.

Помимо всего прочего, бездетность солдат могла быть связана и с потребительским отношением государства к солдатским детям. Правительство тщательно следило за потомством солдатских семей, основное предназначение которого заключалось в пополнении армии [33, с. 2]. Такое отношение в полной мере подтверждается как нормативно-правовыми актами, так и иными источниками. Так, в 1721 г. при каждом гарнизонном полку были учреждены гарнизонные школы, рассчитанные на 50 вакансий. Общее

количество учащихся гарнизонных школ составляло 2500 человек, что было закреплено в штатах 1731 г. [22, с. 175]. Указ 1732 г. определил основное назначение гарнизонных школ, которые учреждались «на таком основании, дабы впредь польза и государству в рекрутах облегчение быть могло» [18, с. 928]. Как видим, уже в 1732 г. положение детей солдат стало вполне определенным. Возраст для определения в гарнизонные школы был установлен от 7 до 15 лет. После достижения данного возраста солдатский сын становился полной собственностью государства. Его запрещалось определять куда-либо без императорского указа, «дабы оные шли сперва в назначенные школы и в военную службу, как и отцы их служили, чтоб в сборе с народа рекрут замена быть могла». Стоит отметить, что солдатских детей, у которых отцы после отставки вернулись на прежнее место, в том числе и в поместья, указывалось не забирать, так как «войдут в такую ж очередь к рекрутским наборам, как и отцы их были» [18, с. 928-929]. Отставные, сменившие место жительства или род занятий, своих детей лишались вне зависимости от времени рождения. Если родители не «объявляли» своих сыновей, достигших 7 лет, местным властям и офицерам, то их штрафовали как за беглых солдат, а людям, которые донесут, полагалось 10 рублей в качестве награждения. Если солдатские дети пытались укрываться от службы и не объявлялись по достижении 15 лет, то их наказывали как беглых солдат, то есть шпицрутенами. Кроме того, указывалось не определять солдатских детей к каким-либо гражданским делам без указа [18, с. 928-929].

Таким образом, в 1732 г. сформировалась система, при которой жизни солдатских детей полностью принадлежали государству. В этом отношении семьи солдат были еще более несчастны, чем крестьянские. Угроза рекрутского набора постоянно висела над всеми здоровыми мужчинами 15-30 лет из крестьянских семей, однако даже в случае набора существовала определенная очередность и достаточно высокий процент не оказаться тем «одним» с определенного количества душ. У солдатских же детей возможность не служить в армии отсутствовала полностью (разумеется, за исключением негодных). Создавая условия для «пожизненной и неизбежной» военной службы солдатских детей, государство пыталось создать обученный резерв для комплектования армии нижними чинами. Однако государственная польза со всей очевидностью оказывала серьезное и негативное влияние на семейно-брачные отношения нижних чинов вплоть до середины XIX в. [33, с. 5].

Вместе с тем важно отметить и то обстоятельство, что статус солдатского сына давал возможность получить образование и даже неплохое положение в обществе и армейской иерархии. Вследствие этого, встречаются случаи добровольной явки для записи в службу. Так, в 1731 г. Военная коллегия определила в службу двух «прижитых в солдатстве» детей, причем основанием для этого выступило их собственное обращение в коллегия [12, л. 194]. Помимо личной явки встречаются случаи, когда матери сами объявляли детей в коллегия, чтобы устроить их на государственное содержание. Подобная история у Ивана

Афанасьева, который был определен в гарнизонную школу по доношению матери [29, л. 91]. Однако несмотря на определенные преимущества военной службы, отсутствие выбора в жизни подталкивало солдатских детей к уклонению от службы, как в случае с пойманными в 1731 г. Иваном Фирсовым и Леонтием Григорьевым [27, л. 172].

Стоит отметить, что, помимо военной службы, солдатских детей могли определять на какие-либо работы. Так, солдатского сына Василия Земцова, отец которого был взят из посадских людей, направили рабочим на фабрику Максима Тулякова в Воронеже несмотря на то, что он в возрасте 22 лет жил своим домом и желал быть написанным в цех [1, л. 44-45]. С другой стороны, не для всех солдатских детей определение от государства было чем-то плохим. Так, для сирот Ивана и Петра Недозреловых (15 и 12 лет соответственно), проживающих в Воронеже «по разным людям», определение в барабанщики и школы было практически единственным способом найти себе пропитание [1, л. 26-27].

В завершение стоит отметить такое проявление семейного неблагополучия как «приживание» детей вне брака. Детей приживали как жены, долгое время не имевшие известий о мужьях, так сами мужья, которые не имели возможности встречаться с женами. Например, Катерина Ситникова во время переписки солгала о происхождении двух детей «ради своего стыда», так как дети были «прижиты незаконно» [1, л. 140-141]. Для государства не имело значения, прижит ребенок или нет, вследствие чего в данном отношении военное руководство демонстрировало определенную широту взглядов. Так, сыновья упоминаемой выше Катерины были оставлены с ней «до возраста», после чего их ждало обычное распределение [1, л. 140-142]. Важно отметить, что какого-либо содержания от государства солдатским женам не полагалось. Военное командование интересовало лишь сыновья, которых могли устроить в гарнизонную школу, тогда как сами жены и их дочери оставались без попечения властей. Поэтому поведение некоторых солдатских жен вполне объяснимо, если учесть их трудное материальное и социальное положение. Важно учитывать, что военное командование не общало солдатским женам не только о перемещении и местонахождении их мужей, но даже и о их смерти. Только в 1760-е гг. полковых командиров обязали направлять уведомления о смерти солдат их женам, однако данное требование выполнялось далеко не всегда [33, с. 37]. Вследствие этого, солдатские жены лишались возможности устроить свою личную жизнь.

Вместе с тем с серьезными трудностями сталкивались и сами солдаты. Женившись в возрасте до 30 лет и лишившись возможности видеть своих жен, солдаты искали и находили способы удовлетворения своих потребностей, следствием чего и являлись прижитые солдатские дети. Именно таково происхождение солдатского сына Максима, который был «прижит от отца в службе» [1, л. 50-51] и Ивана Яшина, прижитого отцом после отставки [1, л. 11-13]. Также встречаются случаи, когда отсутствие семейной жизни толкало солдат на преступления. Так, рядовой Казанского полка Матвей Войнов подговорил сбежать с ним жену гренадера, с которой проживал незаконно [26, л. 431]. В свою очередь отставной солдат Ларион Ширшев удавил жену другого отставного и утопил в р. Дон только из-за того, что «жил с ней блудно», прижил ребенка и опасался того, что она его выдаст [25, л. 76-77]. Не удержался от блуда с «портomoйницей» капрал Николай Соколов, определенный для дел к госпиталю [29, л. 280]. Впрочем, от таких грехов не были защищены не только солдаты, но и офицеры. 46-летний поручик Венденского полка Илья Казаков, не имея при себе жены целых 3 года, «жил блудно» с казацкой дочерью [28, л. 98].

Выводы

Таким образом, военная служба оказывала негативное влияние как на семейно-брачные отношения нижних чинов русской регулярной армии, так и на их повседневную жизнь в целом. Не только в отечественной историографии, но и даже в школьных учебниках истории солдаты, их жены и дети рассматриваются как представители полупривилегированного военного сословия, однако при ближайшем рассмотрении данный тезис оказывается, как минимум, сомнительным. Рекрутская повинность разрушала существующие браки, а военная служба значительно ограничивала возможности поддерживать отношения с женами и жениться вновь. Следствием этого являлась бездетность военнослужащих и трудности вступления в брак. Кроме того, не только сами солдаты отдавали всю свою жизнь военной службе, но и жизни их сыновей, рожденных как в браке, так и вне брака, являвшихся собственностью государства. Таким образом, трудности семейной жизни, вне сомнений, не способствовали повышению престижа военной службы для выходцев из податных сословий.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-18. Оп. 1. Д. 38.
2. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 38.
3. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 61.
4. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 62.
5. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 64.
6. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 72.
7. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 74.
8. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 83.
9. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 84.
10. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 86.

11. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 87.
12. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 88.
13. Карпущенко С.В. Быт русской армии XVIII – начала XX века. М. : Воениздат, 1999. 121 с.
14. Кустова Е.В. Служба и служение : отставные военные в вятских и пермских монастырях в XVIII веке // Военно-исторический журнал. 2014. № 2. С. 58–65.
15. Подберезный Е.А. Состояние и развитие рекрутской системы России во второй четверти XVIII века // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (294). С. 135–140.
16. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. IV. 1723–1727 гг. СПб., 1830. 890 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. VII. 1723–1727 гг. СПб., 1830. 933 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. VIII. 1728–1732 гг. СПб., 1830. 1004 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. XI. 1740–1743 гг. СПб., 1830. 988 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. XII. 1744–1748 гг. СПб., 1830. 960 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. XIII. 1749–1753 гг. СПб., 1830. 957 с.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое Т. XLIII. СПб., 1830. 865 с.
23. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2. Оп. 10. Д. 99.
24. РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 100.
25. РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 101.
26. РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 106.
27. РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 108.
28. РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 167.
29. РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 169.
30. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 114. Ч. 5. 1736 г. СПб., 1902. 683 с.
31. Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М. : Наука, 1999. 222 с.
32. Федулова М.В. Семейно-брачные отношения в Российской империи XVIII и XXI вв. М. : ИП Кузьмин Сергей Владимирович, 2018. С. 72-76.
33. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. Тамбов : Юлис, 2004. 507 с.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti* (dalee – GAVO) [State Archives of the Voronezh Region]. F. I-18. Op. 1. D. 38.
2. GAVO.F. I-18. Op. 1. D. 38.
3. GAVO.F. I-18. Op. 1. D. 61.
4. GAVO.F. I-18. Op. 1. D. 62.
5. GAVO.F. I-18. Op. 1. D. 64.
6. GAVO.F. I-18. Op. 1. D. 72.
7. GAVO.F. I-18. Op. 1. D. 74.
8. GAVO.F. I-18. Op. 1. D. 83.
9. GAVO.F. I-18. Op. 1. D. 84.
10. GAVO.F. I-18. Op. 1. D. 86.
11. GAVO.F. I-18. Op. 1. D. 87.
12. GAVO.F. I-18. Op. 1. D. 88.
13. Karpushhenko, S.V. (1999) *Byt russkoi armii XVIII – nachala XX veka* [Life of the Russian army of the 18th – early 20th centuries.]. Moscow, Voениzdat publ. 121 p. (In Russian)
14. Kustova, E.V. (2014) *Sluzhba i sluzhenie: otstavnye voennye v vjatskikh i permskikh monastyryakh v XVIII veke* [Service and service: retired military personnel in the Vyatka and Perm monasteries in the 18th century]. *Voенno-istoricheskii zhurnal*. (2), 58–65. (In Russian)
15. Podberezniy, E.A. (2022). *Sostoyanie i razvitie rekrutskoi sistemy Rossii vo vtoroi chetverti XVIII veka* [The state and development of the Russian recruitment system in the second quarter of the 18th century]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. (1), 135–140. (In Russian)
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. T. IV. 1723–1727 gg.* (1830) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. IV]. Saint Petersburg. (In Russian)
17. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. T. VII. 1723–1727 gg.* (1830) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. VII]. Saint Petersburg. (In Russian)
18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. T. VIII. 1728–1732 gg.* (1830) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. VIII]. Saint Petersburg. (In Russian)

19. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. T. XI. 1740–1743 gg.* (1830) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XI]. Saint Petersburg. (In Russian)
20. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. T. XII. 1744–1748 gg.* (1830) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XII]. Saint Petersburg. (In Russian)
21. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe. T. XIII. 1749–1753 gg.* (1830) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XIII]. Saint Petersburg. (In Russian)
22. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Pervoe T. XLIII*(1830) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XLIII]. Saint Petersburg. (In Russian)
23. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* (dalee – RGVIA) [Russian State Military Historical Archive]. F. 2. Op. 10. D. 99.
24. RGVIA. F. 2. Op. 10. D. 100.
25. RGVIA. F. 2. Op. 10. D. 101.
26. RGVIA. F. 2. Op. 10. D. 106.
27. RGVIA. F. 2. Op. 10. D. 108.
28. RGVIA. F. 2. Op. 10. D. 167.
29. RGVIA. F. 2. Op. 10. D. 169.
30. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* (1902) [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T. 114. Ch. 5. 1736 g. Saint Petersburg. 683 p. (In Russian)
31. Faizova, I.V. (1999) «*Manifest o vol'nosti i sluzhba dvorjanstva v XVIII stoletii* [“Manifesto of Liberty” and the service of the nobility in the 18th century]. Moscow, Nauka publ. 222 p. (In Russian)
32. Fedulova, M.V. (2018) *Semeino-brachnye otnosheniya v Rossiiskoi imperii XVIII i XXI vv.* [Family and marriage relations in the Russian Empire in the 18th and 21st centuries]. Moscow, IP Kuz'min Sergei Vladimirovich, pp. 72–76. (In Russian)
33. Shherbinin, P.P. (2004) *Voennyj faktor v povsednevnoj zhizni russkoj zhenshhiny v XVIII– nachale XX veka* [The military factor in the everyday life of a Russian woman in the 18th – early 20th centuries]. Tambov, Julispubl. 507 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 09.02.2024

Подписана в печать 28.03.2024

Original article

UDC 355.11

DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_142

FAMILY AND MARITAL RELATIONS OF THE LOWER RANKS OF THE RUSSIAN REGULAR ARMY IN 1725–1762

Evgeniy A. Podberezny¹, Valentina S. Podbereznaia²

*Podgorenskaya Secondary School named after. P.P. Seryakov¹,
Kalacheevsky Municipal District of Voronezh Region, Russia
Voronezh State Pedagogical University²
Voronezh, Russia*

¹*Teacher of History and Social Studies, ORCID ID: 0009-0009-2110-2245,
e-mail: evgenypodbereznyy@yandex.ru*

²*Postgraduate Student of the Department of Russian History, ORCID ID: 0009-0005-7323-4697,
tel.: (473) 255-06-67, e-mail: val.sergeevnaa@yandex.ru*

Abstract. The article examines the family and marital relations of privates and non-commissioned officers of the Russian regular army during the period of “palace coups”. Based on an analysis of a wide range of sources, the difficulties of the lower ranks of the Russian regular army in the field of creating a full-fledged family or maintaining contacts with it after being called up for military service have been identified. It was established that the majority of the lower ranks of the army did not marry during their service, and the wives and children of those called up for military service had no information about them. There is also an attitude towards soldiers’ children as a guaranteed reserve for replenishing the army, as a result of which the sons of most soldiers were subject to guaranteed and emergency conscription. The authors conclude that the realities of family life of military personnel have a negative impact not only on their moral and psychological state, but also on the prestige of military service as a whole.

Key words: lower ranks, “palace coups”, marriage and family relations, soldiers’ children.

Cite as: Podberezny, E.A., Podbereznaia, V.S. (2024) Family and marital relations of the lower ranks of the Russian regular army in 1725–1762. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (1), 142–148. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_142.

Received 09.02.2024

Accepted 28.03.2024